

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Н. Николюкин

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
(С.П. Шевырёв и М.П. Погодин)***

Аннотация. С.П. Шевырёв в десятой лекции, вошедшей затем в его «Историю русской словесности», проанализировал «Слово о полку Игореве». Присутствовавший на лекции М.П. Погодин откликнулся письмом, напечатанным в журнале «Москвитянин» (1845. № 5), в котором утверждал, что «Слово» является лишь отрывком из общей Саги о русских князьях.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; С.П. Шевырёв; М.П. Погодин; «Москвитянин».

***Nikolyukin A.N.* «Word about Igor's regiment»
(S.P. Shevyryov and M.P. Pogodin)**

Summary. S.P. Shevyrev delivered the lecture concerning «Word about Igor's regiment». M.P. Pogodin presented at the lecture in his letter to Shevyryov asserted that «Word» is only a fragment of the great Saga about Russian princes.

Keywords: «Word about Igor's regiment»; S.P. Shevyryov; M.P. Pogodin; «Moskvityanin».

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проекты № 18–012–00150: Шевырёв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 томах; и № 19–012–00310: Погодин М.П. Полное собрание историко-филологических трудов: в 9 томах. Т. 1–3.

Великий памятник древнерусской литературы привлекал к себе внимание А.С. Пушкина с его лицейских времен. С.П. Шевырѣв вспоминал в 1843 г.: «Известно, с каким усердием Пушкин изучал памятники древней Словесности. Слово о Полку Игореве он помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров. Нередко в беседе приводил он целиком слова из государственных грамот и летописей»¹.

В десятой лекции «Истории русской словесности» (1846) Шевырѣв повторил и расширил свои воспоминания: «Известно, что Пушкин готовил издание “Слова о полку Игореве”. С глубоким уважением говорил он о его поэтических достоинствах и не сочувствовал нисколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время. Нельзя не пожалеть, что он не успел докончить труда своего»². При этом Шевырѣв поясняет, что он лично слышал от Пушкина о его труде. Пушкин изустно объяснил ему смысл вступления «Слова», который, по мнению Пушкина, был тот, что автор «Слова», отказываясь от «старых словес» и «замышления Боянова», предпочитает говорить о полку Игоревом по былинам своего времени.

В десятой лекции Шевырѣв рассматривает историю изданий и историю мнений о «Слове». Главное чувство, господствующее в «Слове», Шевырѣв определяет как грусть, составляющую душу произведения: «Грусть, глубокая грусть от начала до самого конца. Все синонимы, как нарочно, выисканы для него в языке; все они тут, чтобы передать это чувство: *туга, тоска, уныние, горе, печаль, труд*. Самая повесть называется *трудною*, т.е. прискорбною, по древнему значению этого слова. Там начинает расти сила “Слова”, где растет сила этого чувства, особенно тогда, когда, вспомнив начало бедствий междоусобия при Ольге Гориславиче, злое семя, посеянное дедом, он видит плод его перед собою: поражение воинов и плен внука его, Игоря»³.

После главной Шевырѣв рассматривает другие черты времени, дающие свой оттенок всей картине. «Это времена *железных* полков, которые так часто встречаются в “Летописи” и в “Слове”. Вид наших древних броней оправдывает нам этот эпитет. Ратный дух не погас еще в князьях»⁴.

Этот ратный дух веет в словах Игоря к дружине и напоминает лучшие времена Святославовы: «Братья и дружина! Лучше быть изрублену, чем полонену! А сядем, братья, на своих борзых коней да позрим синяго Дону!.. Хочу переломить копьё о конец поля половецкого с вами, русичи, хочу главу свою положить или шело-мом испить Дону!»⁵. Но дело не подтверждает уже силы этих слов: битва кончилась пленом князя.

Но эти яркие картины ратного мужества, возбуждающие дух к бодрости, — отмечает Шевырѣв, — скоро сменяются другими, мрачными. Фантазия предлагает ему изящные, живописные сравнения, но самые приятные картины сельской природы или семейной жизни превращаются у него в темные образы скорби: посев, брачный пир, молотьба. «Черна земля под копытами, — говорит он, — костями была засеяна, а кровию полита: печалью взошли они по Русской земле»⁶.

Мифологическая стихия, — считает Шевырѣв, — является не в виде народного верования, но в виде исторического предания, еще жившего в народе от прошлых стародавних времен, или в виде поэтического украшения, в которых трудно отличить, что принадлежит отжившему верованию народа и что — фантазии самого поэта.

Четыре божества языческих упоминаются в «Слове»: Дажьбог, Хорс, Велес, Стрибог. Два раза русский народ именуется внуком Дажьбоговым: «...погибашеть жизнь Дажьбожа внука»; «Встала обида в силах Дажьбожа внука...». Под именем Дажьбога наши языческие предки поклонялись солнцу и именовали себя смиренно его внуками, не смели именоваться его сынами или, скорее, сознавая, что, удалившись к холодному северу, они удалились на целое поколение от влияния благотворного светила. «Что касается до Хорса, то из всех исследований, какие до сих пор были сделаны, наиболее подходящее к истине принадлежит О.М. Бодянскому. Он считает Хорса за одно божество с Дажьбогом, полагая, что это русский перевод древнезандского слова *koresh* — солнце. Написание Хорса слитно с Дажьбогом в “Летописи” и древнем “Прологе” дает сильную опору его мнению. Место, где упоминается Хорс в “Слове о полку Игореве”, получает отсюда объяснение: Всеслав, рыскавший из Киева в ночь до кур (до куреней) Тьмутараканя, великому *Хрьсови вльком путь прерыскаше*. Ясно, что Всеслав,

чудесно поспевавший за ночь из Киева в Тмутаракань, перенимал путь у солнца, которое за ним не поспевало. Имя Велеса упоминается один раз в “Слове”. Вещий певец Боян назван Велесовым внуком. Велес упоминается в Святославовом договоре с греками (971) под именем скотья бога. При уничтожении идолов кумир Волосов был брошен в реку Почайну»⁷.

Особо отмечает Шевырѣв сочувствие природы событиям «Слова»: «Когда Игорь идет в поход, солнце тьмою путь ему заступает; ночь, стеная грозой, будит птиц; звери ревут; див кличет сверху дерева и велит слушать земле незнакомой, Волге и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тмутараканский болван! Клик этой зловещей птицы при отъезде князя простирается до крайних пределов русского юга. Когда половцы с одной стороны, а Игорь с другой, подходят к Дону, тогда волки воют по оврагам, орлы клетком на кости зверей зовут, лисицы брешут на червленые щиты. В день поражения рано кровавые зори свет поведают; черны тучи идут с моря, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии: быть грому великому!.. Ветры, Стрибоговы внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы! Земля стучит, реки текут мутно, пыль поля покрывает»⁸.

В разделе «Плач Ярославны» Шевырѣв продолжает мысль о сочувствии природы событиям «Слова»: «Нигде так прекрасно не выражается это сочувствие природы к несчастью и к человеческой душе в ее заветных чувствах, как в плаче Ярославны. Здесь, конечно, лучшая поэтически и прекрасная человечески мысль творца “Слова”. Плач жены по муже, погибшем, или плененном, или отъехавшем на войну, – в нравах нашей древней поэзии. Припомним плач княгини Анны по убитом Михаиле Тверском в житии сего последнего и плач Евдокии по Димитрии Иоанновиче в “Сказании о Мамаевом побоище”. Первая мысль этих плачей, конечно, в древнем обычае русских жен *причитать* на могилах мужей или во время разлуки с ними. Причитанья, которыми кончается “Илиада”, похожи на наши. Мысль, как и самый обычай, вытекла из нашего особенно крепкого семейного начала. Такого мотива нельзя найти в рыцарской поэзии Запада: он – наша особенность»⁹.

Главу о «Слове» в «Истории русской словесности» Шевырѣв завершает славой неведомому автору великой поэмы древности. «Кто в конце XII века страдал за Россию ее горем, кто взывал

к князьям о Русской земле, кто за семь веков с половиною до Гоголя оживил нам словом южные степи, кто создал чудную поэтическую мысль: плач Ярославны, возбуждающий сочувствие всей природы? – Мы не знаем его имени: оно вместе с тем столь многим прекрасным кануло без вести в безличную глубину нашей древней народной жизни. Но тем сильнее раздается этот благородный голос, тем сильнее действует он на душу, что здесь отсутствует страсть лица, а говорит как будто вся лучшая часть русского народа в XII веке»¹⁰.

Пушкин в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834) назвал «Слово о Полку Игореве» «уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». М.П. Погодин не согласился с ним. Прослушав лекцию Шевырёва, он опубликовал «Письмо к С.П. Шевырёву о десятой его лекции» (Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Московская летопись. С. 14–22). В те годы усиливался интерес к опубликованному впервые в 1800 г. тексту «Слова». В научной библиотеке Воронежского университета сохранился экземпляр первого издания с многочисленными маргиналиями и комментариями, отмеченными датой 26 мая 1843 г.

Отмечая удивление Шевырёва, что такое маловажное и вместе несчастливое происшествие в древней русской истории автор избрал своим предметом, Погодин заключает, что это могло бы подать повод к утверждению, будто у нас в древности был воспет только поход Игоря Святославича на половцев. В летописях мы имеем целую пиитическую литературу, Слова или Саги о всех важных и неважных подвигах древних князей, начиная от Рюрика до нашествия монголов и далее.

Повествование летописи о походе Олега под Константинополь, о судах его на колесах, подплывших посуху, при попутном ветре, под стены города; щит, как знак его победы, на воротах Цареградских; парчевые паруса, устроенные им на своих судах для обратного пути, – это перевод исторических показаний из Саги, из Слова в летопись.

Такова и смерть Олега от любимого коня, которую предсказал ему кудесник. Таковы и мести Ольги древлянам, как она сожгла послов в бане, как покорила Коростень посредством голубей и воробьев, пустивши их в город ночью с огнем. «Саги, Слова, – пишет Погодин, – были одним из важных источников Нестора,

и им обязаны мы известиями о древнейших происшествиях нашей истории, точно как история соплеменных Руси норвежцев, датчан, шведов сохранилась в многочисленных сагах Исландии».

Погодин считает, что наши Слова, наши Саги имеют один и тот же источник с исландскими. «Многие обстоятельства, встречающиеся в Несторе, мы находим в северных Сагах, например о смерти от коня, о взятии города посредством птиц. Эти Саги, эти Песни, рассказы были первою принадлежностью пиров княжеских на севере, — и без всякого сомнения у нас на Руси».

В летописях встречаются описания пиров князя Владимира, когда воспевались его подвиги вместе с подвигами его витязей. «Остатки этих песен мы находим в так называемом собрании Кириши Данилова, — сохраняясь в устах народа, они беспрестанно, в течении времени, подновлялись, переиначивались, сокращались, распространялись, перепутывались, смешивались и дошли до нас в настоящем своем, обновленном виде».

Погодин приводит известия из летописей о древних наших певцах и приходит к общему выводу: «Судя по началу Слова о Полку Игореве, можно его считать только отрывком большого Слова или поэмы, Саги о всех русских происшествиях, ибо сочинитель говорит: почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря — между тем о Владимире и его предшественниках мы не находим здесь ни слова. Не было ль начало исключено переписчиком!»

Не удивительно, полагает Погодин, что «Слово» дошло до нас в одном списке, а другие древние слова не дошли в целом их виде. Саги исландские 200, 300 лет сохранялись в изустном предании и потом были записаны в Исландии, где много особых обстоятельств содействовало этому. А у нас через 200, 300 лет после Олегов, Владимиров, Ярославов нагрянули татары. Нам было не до записывания песен, особенно при отвращении нашего духовенства от мирских, светских предметов сочинений.

Особенное счастье русской истории Погодин видит в том, что «Слово» дошло до нас хотя в одном списке. Подлинность «Слова» он видит прежде всего в его языке и образности. «С таким талантом всякий приобрел бы себе славу поэта, употребляя его на сочинения современные. Кто же бы решился пожертвовать ею и променять на бесславие обманщика?»

-
- ¹ Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5. С. 23.
² *Шевырёв С.* История русской словесности. 2-е изд. М., 1860. Ч. 2. С. 295.
³ Там же. С. 322.
⁴ Там же. С. 323.
⁵ Там же. С. 324.
⁶ Там же. С. 325.
⁷ Там же. С. 331–332.
⁸ Там же. С. 338.
⁹ Там же. С. 339.
¹⁰ Там же. С. 342.